

DOI 10.25991/AE.2019.72.36.002
УДК 2–335

С. В. Слободковский

Слободковский Сергей Владимирович — магистрант РХГА

РИМСКИЕ ВОРЧУНЫ И ВЕТХОЗАВЕТНЫЕ ПРОРОКИ*

В статье предпринимается попытка рассмотреть фигуры римских мудрецов в их значимости для римской общественной и частной морали. Как предмет для сопоставления выбираются ветхозаветные пророки. Автор обнаруживает моменты возможного сопоставления и принципиальные отличия в понимании предмета морального урока. В первом, римском случае, таким предметом является римский народ в плане его гражданственности и государственности; во втором — народ Израиля в плане выполнения им Завета с Богом.

Ключевые слова: римские мудрецы, ветхозаветные пророки, моральная философия Рима и Израиля.

Slobodkovsky Sergei

ROMAN GRUMLERS AND OLD TESTAMENT PROPHETS

The article attempts to examine the figures of the Roman sages in their significance for Roman public and private morality. As an object for comparison, the Old Testament prophets are chosen. The author discovers the moments of possible comparison and the principal differences in understanding the subject of the moral lesson. In the first, Roman, case is the Roman people in terms of its citizenship and statehood. In the second — the people of Israel in terms of fulfilling the Covenant with God.

Key words: Roman sages, Old Testament prophets, moral philosophy of Rome and Israel.

Несмотря на то что в названии данной статьи фигурируют такие термины как «ворчуны» и «пророки», более правильно называть тех, о ком пойдет речь, мудрецами. Для древнего мира не было столь очевидно, что философия должна обладать определенной формой. История античной культуры на примере Исократы или Гесиода показывает, что философия и мудрость может быть выражена очень по-разному, а ее истоки также не одинаковы и могут находиться в области права, религии, поэзии и проч. Это позволяет предельно расширить представление о мудрости и философии за пределы классических форм с целью более точного, глубокого понимания древнего мира и его общественного сознания. На примере Марка Порция Катона Старшего и Гая Саллюстия Криспа постараемся посмотреть на образ римского мудреца, который скрыт за маской ворчуна или историка. К ветхозаветным пророкам мы подойдем в самом общем смысле и постараемся выявить общие моменты римской и иудейской культуры и в особенности ветхозаветной мудрости.

Марк Порций Катон Старший Цензор — фигура яркая и не обделенная вниманием, появляющиеся на страницах произведений римских историков и других авторов древнего мира довольно часто. Конечно, образ его изменялся, Цицерон и Катон Младший, изображали его как мудреца-философа эллинистического образца. Гораций время от времени упоминает его в своей поэзии с явной ноткой превознесения: «Не то заповедали нам Ромул и Катон суровый, / Предки другой нам пример давали...» [5, с. 77]. Плутарх и множество других авторов привнесли в его образ представление о суровом хранителе нравов. Труды, которые он написал, централь-

ные из которых «Начала» и «Земледелие», хотя и не стали высокими образцами римской литературы, всё же имели свое влияние. Его исторический труд «Начала» повлиял на ряд римских историков, таких как Саллюстий, Веллий Патеркул, Плиний Старший и другие. К сожалению, до нас это произведение не дошло, но другой текст, «Земледелие», до сего дня вызывает интерес у исследователей. Справедливости ради надо отметить, что в отношении Катона сложилось достаточно устойчивое мнение как противника всего греческого. Такое восприятие Катона нельзя считать неверным, но особенности римской культуры и ситуация II века до н. э. в Риме оказали на него определенное влияние.

Победа над Карфагеном во многом открыла Риму дорогу к Африке, Македонии, Греции, что естественно, привело к новым столкновениям. Рим в этот период остается еще очень консервативным городом, новшества приживались очень тяжело. Вспомним статью Г. И. Кнабе «Человеческое пространство, и историческое время в культуре древнего Рима», в ней, хотя и на примере германского представления о Мидгарде и Удгарде, описывается понимание римлянами пространства и времени вокруг себя. В работе отмечается, что замкнутость Рима на себе самом оправдана религиозной составляющей, в которой решение богов прямо влияет на жизнь. Внесение нового в эту систему понимается как опасность для нее. В частности, «критиковали кружок Сципиона за стремление к переменчивости и эллинистическому» [4, с. 112]; но это не означает, что шла борьба с философией как таковой.

Поэтому недовольство деятельностью философского посольства 155 г. до н. э., которое просла-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01168, Санкт-Петербургский государственный университет).

вила Катона как гонителя философии, имело под собой культурное и религиозное основание, поскольку это была попытка защитить привычный уклад, установленный богами. Отметим, что выступления против философии предпринимались и ранее. В 173 г. до н. э. был принят закон об изгнании эпикурейцев из Рима, а в 161 г. до н. э. об изгнании всех иноземных риторов и философов. В этом смысле 155 г. до н. э. ничего нового не преподнес. По описанию Плутарха получается, что чуть ли не один Катон был недоволен деятельностью философов:

«Сразу же к ним потянулись самые образованные молодые люди, которые с восхищением внимали каждому их слову. Наибольшим влиянием пользовался Карнеад: неотразимая сила его речей и не уступающая ей молва об этой силе привлекала влиятельных и стремившихся к знаниям слушателей, и его слава разнеслась по всему городу» [7, с. 397].

Плутарх обошел стороной как Критолая представителя перипатетиков, так и Диогена Вавилонского, представителя стоиков. Карнеад у него не только лидер посольства, но и тот, кому нет равных по популярности в Риме. Поэтому другие участники посольства отходят на второй план. Действительно, мы не слышим недовольства против стоиков и перипатетиков, хотя известно, что, по крайней мере, лекции Диогена Вавилонского пользовались большой популярностью и многие прониклись идеями стоиков. Таким, например, был Гай Леллий. Примечательно, что именно Гай Леллий и Сципион являются вопрошателями мудрости Катона в трактате Цицерона «О старости».

Вернемся к 155 г. В своей книге «Стоя. История духовного движения» М. Поленц затрагивает, в контексте спора между Стоей и Академией, философскую позицию Карнеада, которую последний изложил в своей знаменитой лекции о справедливости. Поленц описывает это так:

«Карнеад признавал не социальные инстинкты, а лишь эгоизм индивидуума, признавал, что несмотря на все красивые слова, государства и отдельные личности руководствуются только им, и что эгоистическая «мирская мудрость», когда она вступает в конфликт с требованиями идеальной справедливости, практически всегда выходит победительницей» [6, с. 347].

Очевидно Карнеад не собирался каким-либо образом подрывать основы римской морали, но его слова вызвали недовольство, что привело к его поспешному удалению. Катон, действительно, выступает в данном случае защитником римской морали. Его работа «Земледелие», посвященная всему — от советов и указаний по выращиванию различной сельскохозяйственной культуры до медицинских рецептов и советов по благоустройству, — не является просто записками любознательного садовода. Здесь показано возделывание не толь-

ко своего сада, но и человека. Здесь предпринята попытка задать некий вектор воспитания. Такой взгляд позволяет видеть его как мудреца-воспитателя, и как положено мудрецу и воспитателю, он своеобразен и строг.

В отличие от Катона, Саллюстий оставил потомкам гораздо больше сочинений. Рассмотрим образ Саллюстия, как ворчуна-мудреца на примере текста «О заговоре Катилины». Подобно Катону, фигура Саллюстия и его исторические произведения не были обделены вниманием. Заговор Катилины — важная тема для римских историков. Отметим, что выбор одного из повествований о событиях 66–65 г. до н. э. — Саллюстия или Цицерона, определял формирования легенды об этой истории в более поздний период римской истории. Об этом подробно пишет Н. В. Бугаева в работе «Заговор Катилины в кратких сообщениях поздней латинской традиции». Если говорить о современных исследованиях наследия Саллюстия, то А. Б. Егоров в статье «Фукидид и Саллюстий, опыт сравнительного описания» выделяет в них два подхода. Основателем первого можно считать Эд. Шварца, считавшего Саллюстия пропагандистом идей популяров и сторонником Цезаря, что делает его скорее публицистом, нежели историком. В частности, О. Зиль комментирует рассматриваемое сочинение таким образом: «Заговор Катилины — это политический памфлет, с целью очернить нобилитет, обелить Цезаря и принизить роль Цицерона, что достигается путем тонких фальсификаций» [3, с. 224]. Вторая точка зрения появилась в 1920–190 гг., благодаря сборнику В. Пешля. Если суммировать позицию авторов данного направления, то она выражается в следующем: «Саллюстий не считается сторонником Цезаря и пропагандистом его политики, его пристрастия к популярам также не играет никакой роли в подходе Саллюстия к истории» [3, с. 224]. В упомянутой статье А. Б. Егорова также приводится позиция Ф. Эгерманна, который считает, что труды Саллюстия основаны на знании греческой философии и заимствований из Фукидида, Исократы, Демосфена. Философской основой его сочинений является платоновский дуализм души и тела и римская концепция *Virtus*. Но если Платон выводит свое государство из отношения людей к миру идей, то у Саллюстия сами идеи являются следствием исторического опыта [3, с. 225].

Как мы говорили ранее, все сочинения Саллюстия, особенно их вводные части, обладают философским содержанием или риторическим «назиданием». Например, в первой части сочинения «О заговоре Катилины» читаем: «Вся наша сила ведь — в духе и теле: дух большей частью повелитель, тело — раб; первый у нас — общий с богами, второе — с животными» [2, с. 5].

Это начало продолжается повествованием об искушениях, которые таит в себе занятие политическими делами, и назиданием о том, как важно не поддаваться желаниям тела:

«Меня самого, подобно многим, еще совсем юнцом охватило стремление к государственной деятельности, и у меня здесь было много огорчений. Ибо вместо совестливости, воздержности, доблести процветали наглость, подкупы, алчность. Хотя в душе я и презирал все это, не склонный к дурному поведению, однако в окружении столь тяжких пороков моя неокрепшая молодость, испорченная честолюбием, им не была чужда. И меня, осуждавшего дурные нравы других, тем не менее мучила такая же жажда почестей, которая заставляла их страдать от злобности и ненависти» [2, с. 6].

Заканчивает Саллюстий намерением, будучи свободным от дел государственных и получив покой, описать деяния Римского народа с максимальной правдивостью. Отметим, что его целью является служение государству не мечом, но путем прославления тех, кто ему служит. После этого введения Саллюстий в сжатой форме описывает историю Рима от основания города, особое внимание он уделяет истории последнего римского царя и его свержению. Но славная свобода Рима, начавшаяся после свержения царей, заканчивается после уничтожения Карфагена, вечного врага Рима. Это событие является началом кризиса нравов:

«Кто ранее легко переносил труды, опасности, сомнительные и даже трудные обстоятельства, для тех досуг и богатства, желанные в иных случаях, становились бременем и несчастьем. И вот, сначала усилилась жажда денег, затем — власти; все это было как бы главной пищей для всяческих зол. Ибо алчность уничтожила верность слову, порядочность и другие добрые качества; вместо них она научила людей быть гордыми, жестокими, продажными во всем и пренебрегать богами» [2, с. 9].

По идее Саллюстия все указанное внесло разлад в римское общество, подорвав единство сената и народа. Именно на этой волне упадка нравов приходит к власти Сулла, что не только не улучшило дела государства, но усилило противоречия, приведшие к всеобщему нравственному распаду и появлению Катилины. Далее в произведении приведены речи Катилины, Цицерона, Цезаря, Катона Младшего сопровождаемые тем, что иногда называют визитной карточкой Саллюстия — описанием действующих лиц. Саллюстий так описывает желание Катилины захватить царскую власть, что мы понимаем: это скорее симптомом болезни общества, чем личной инициатива. Катилине приписываются самые различные преступления: «Уже в ранней молодости Катилина совершил много гнусных прелюбодеяний — со знатной девушкой, со жрицей Весты и другие подобные проступки, нарушив законы божеские и человеческие» [2, с. 14].

Саллюстий отчетливо показывает, что Катилина является не причиной кризиса Рима, но лишь следствием упадка нравов в нем. Захват царской власти понимается Катилиной как восстановление справедливости, которая была поправа сенатом,

после чего большое число людей оказались в бедственном положении и не могли жить достойно. Катилина готов совершить подлинное преступление — ввести проскрипции богатых, отмену долгов, возможность грабить [2, с. 16–17]. Доблесть Катилины в битве при Пистории, в которой по описанию Саллюстия, не только сам Катилина, но и его соратники проявили отвагу, не является доказательством его нравственной высоты, поскольку действия Катилины не соответствуют римской доблести и принципу служения славе родного города.

Саллюстия достаточно часто упрекают в черном белом описании его героев. Но это служит, по мнению Егорова, «способом выражения морально-политической доктрины» [3, с. 235]. Но в чем здесь философия или мудрость? Она содержится в нравственном послании Саллюстия. Что может лучше предотвратить крушение общества, как не нравственные наставления от человека, прошедшего жизнь и пишущего историю римского народа с целью служения отечеству? Непонимание философской подоплеки сочинений Саллюстия исходит только из того, что его размышления не имеют привычной формы философского рассуждения. Тем не менее в его сочинениях уже содержатся четкие разграничения на должное и не должное. Он не стремится выстроить беседу или диалог, который должен убедить читателя, скорее дает готовый образ поведения, которому нужно следовать как в этическом, так и в политическом плане. В данном контексте совершенно не важно, насколько корректно изображен Катилина, а важно то, что Катилина — непосредственное зло, опасность для города, гражданства и его нравов.

Попытка выделить различные формы мудрости народа Израиля, стиль жизни его мудрецов и их возможные сходства с теми, кого мы определили, как римские мудрецы, неминуемо приносит целый ряд проблем. Несмотря на общую схожесть культурного контекста, связанную прежде всего с наличием религиозного стержня на котором строится законодательная, государственная и интеллектуальная основа общества, результаты этих культур весьма различны. Но наиболее схоже здесь некое ощущение своей отличности от окружающих народов, римляне, как и иудеи, достаточно остро ощущали свою принципиальную несхожесть с соседними народами. Обе культуры сформулировали представление о божественной избранности, что в случае Рима особенно ясно выразил Вергилий:

«Ромул род свой создаст, и Марсовы прочные стены
Он возведет, и своим наречет он именем римлян.
Я же могуществу их не кладу ни предела, ни срока,
Дам им вечную власть. И упорная даже Юнона,
Страх пред которой гнетет и море, и землю, и небо,
Помыслы все обратит им на благо, со мною лелея
Римлян,
Мира владык, облаченное тогою племя» [8, с. 125–126].

Конечно, Вергилий не пророк, но его творчество, приходящиеся на период эпохи Августа, можно считать выражением общей идеи. Нечто подобное мы встречаем в Торе или, например, в тексте Исхода:

«И сказал Господь Аврааму: Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего и иди в землю, которую Я укажу тебе, и Я произведу от тебя великий народ и благословлю тебя и возвеличу имя твое и будешь ты в благословении и пошел Авраам, как сказа ему Господь...» [1, с. 14].

«...Если вы будете слушаться Меня и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля, а вы будете у меня царством священников и народом святым...» [1, с. 72].

Конечно, прямо сопоставлять Энеиду с Торой или Исходом невозможно, это слишком разные произведения, но идея избранности народа прослеживается.

Точно так же очевидно, что прямо сравнивать Саллюстия и Катона Старшего с ветхозаветными пророками сложно. Тем не менее влияние обоих на римскую культуру трудно переоценить, тот же образ Катона в период с первого века до н. э. по первый век н. э. действительно приобретает в римской литературе особый статус. Через таких авторов как Цицерон, Вергилий, Гораций и Сенека, Катон становится не только нравственным образцом, но и хранителем нравов и установителем законов. Но даже в этом случае Катон не является пророком, каким является ветхозаветный пророк Исаия. Даже когда Исаия обличает народ Израиля или царя иудейского Ахаза, это не является просто моральным воззванием. Пророк проговаривает божественную волю, которая неизбежно совершится. Подобная ситуация обстоит и с другими пророками, их «взгляды» нельзя назвать этическими, но их можно назвать стремлением выполнять завет с Господом и в этом смысле истиной, полученной от Бога: «Но наведет Господь

на тебя и на народ твой и на дом отца твоего дни, какие не приходили со дня отпадения Ефрема от Иуды, наведет царя Ассирийского» [1, с. 686].

Подведем итог. Как говорилось ранее, мы не ставили себе задачу установить нечто общее между римскими ворчунами и ветхозаветными пророками, коих мы рассматривали как нечто аналогичное мудрецам в своей культурной традиции. Несмотря на присутствие в обоих культурах «тона» избранности и понимание религии как важнейшего фактора в организации законодательства, мудрость которую выразили эти народы очень различна. Общую идею мудрости Рима можно выразить в концепции служения на благо города. Из этого следует понимание причин кризиса, постигшего Рим: это упадок нравов и римской доблести, как важнейших составляющих жизни. А мудрость иудейского народа, в лице пророков, скорее заключается в направлении народа Израиля к выполнению завета с Богом.

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. М.: Можайский полиграфический комбинат, 2014.
2. Гай Саллюстий Крисп / Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. Пер. Горенштейн В. О. М., 1981.
3. Егоров А. Б. Фукидид и Саллюстий (опыт сравнительного анализа) // Мнемон. № 15. СПб.: Издательство СПб государственного университета, 2015.
4. Кнабе Г. С. Историческое пространство и историческое время в культуре древнего Рима / Культура древнего Рима в 2 томах. М.: Наука, 1985.
5. Квинт Гораций Флакк / Квинт Гораций Флакк. Полное собрание сочинений. Пер. Семенов-Тянь-Шанский А. П. М.: Academia, 1936.
6. Поленц М. История духовного движения. СПб.: Издательский проект quadrivium, 2015.
7. Плутарх. Сравнительные Жизнеописания. В 2 томах / пер. Маркиш С. П. Серия Литературные памятники. М.: Наука, 1994.
11. Публий Вергилий Марон. Энеида / Публий Вергилий Марон. Собрание сочинений. Пер. Ошеров. С. СПб.: Студия Биографика 1994.